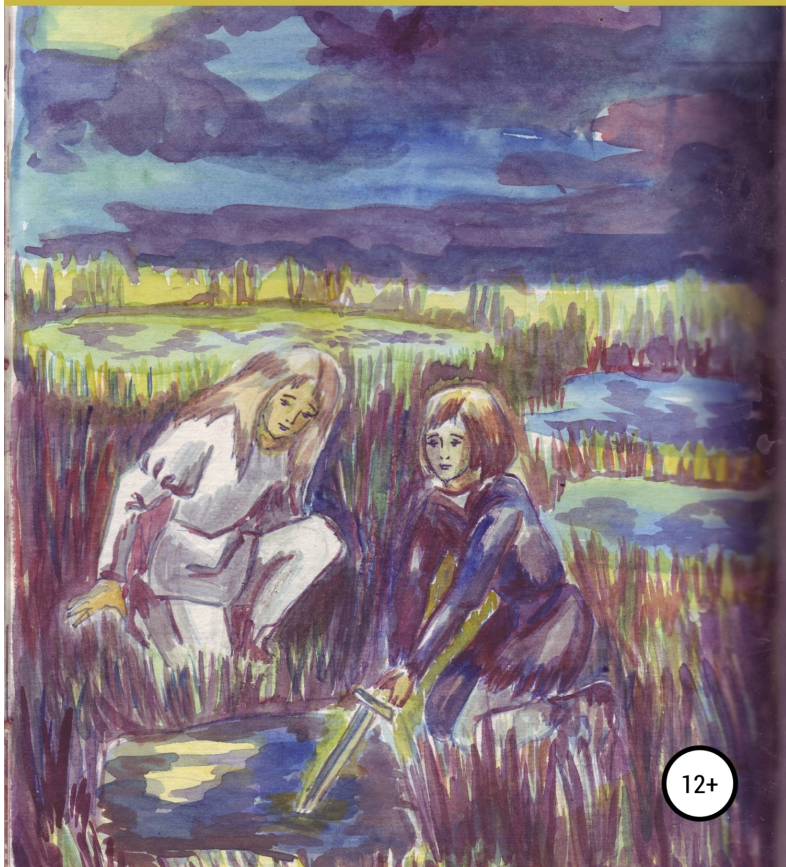

Ковалева Марина

Оборотень

12+

Марина Вячеславовна Ковалева

Оборотень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67237352

SelfPub; 2022

Аннотация

В окрестностях деревни, где живет крестьянский паренек Норкас, от лап страшного чудовища погибают люди. В то же самое время у Норкаса появляется первый настоящий друг, юноша, поселившийся в доме местной знахарки. Однажды тот друг признается, что чудовище и он – одно и то же существо...

Марина Ковалева

Оборотень

Оборотень

1

Это случилось много лет назад. Мне тогда было пятнадцать лет.

Деревня, в которой я жил, находилась в таком глухом месте, что только сборщики налогов в неё и заглядывали. Со всех сторон её окружали непроглядные леса и непролазные болота. Была, правда, и дорога, но такая, что даже после маленького дождичка становилась непроходимой от грязи.

Домов в деревне было двадцать. Главным считался кабачок – в нем после тяжёлой работы крестьяне отмечали завершение дневных дел, а кумушки обменивались сплетнями. Раз в месяц хозяин кабачка отправлялся в соседнюю деревню за товаром. Вместе с бочкой вина, окороками и вяленой рыбой он привозил новости, которые пришли в ту деревню и з ближнего города, где в соборе святого Лазаря хранились чудодейственные мощи, а в ближний город – с богомольцами – из столицы и других мест нашей страны. Эти новости были главным развлечением в скудной на события жизни обитателей нашей деревни, ведь большинство из них не видели даже ближнего города.

Всё началось с того, что после очередного посещения хозяином кабачка соседней деревни наш «медвежий угол» потрясла необычная и страшная весть. Говорили о таинственном и бесследном исчезновении единственного сына нашего государя, принца Хилеаса, и о цепочке таинственных и кровавых смертей, произошедших после исчезновения юноши во дворце.

Некоторых придворных и служителей якобы находили разорванными на куски прямо среди бела дня. Наслушавшись чужих разговоров, я всю ночь не мог уснуть в нашем маленьком домике на самой окраине. В ту ночь дул силь-

ный ветер, и хлипкий домик скрипел и стонал под его напором. Дождь хлестал по гнилой соломенной крыше, протекал сквозь неё и барабанил по специально подставленной миске. Лишь на рассвете непогода начала утихать. На едва тёплой печи, зарывшись в тряпье и накрывшись драной отцовской шубой, спали и ворочались во сне шесть моих братьев и сестёр, из которых я был самым старшим. На лавке, возле печного устья, скрючившись, сидела и кашляла наша мать, которой после смерти отца приходилось работать за двоих. Ей всю ночь нездоровилось, и она не ложилась. Я тихонько сидел в уголке, смотрел на неё, а сам всё думал и думал о принце Хилеасе, о тёмных силах, похитивших его, и о том, как я помог бы ему, окажись я во дворце. Иногда холодная капля срывалась с потолка и попадала мне по затылку, а то и сразу стекала за шиворот.

В эту минуту отворилась дверь и вошла высокая, светло-волосая и румяная женщина в тёмном мужском плаще. Это была наша соседка

Эстебалът, или просто тётя Эсте. Она жила вдвоём с маленькой дочкой Ивой. Тётя Эсте была знахаркой и лечила людей и скотину в деревне. С её знаниями эта добрая женщина могла бы легко нажиться, но она часто лечила бесплатно, а потому была не богаче нас. Она принесла моей матери лекарство.

– Ну, как дела, голубушка? – обратилась тётя Эсте к маме.

– Плохи, плохи, – ответила мать. – Думала ли я, когда в юности мой муж вплетал мне в косы рябиновые кисти, как принято у невест, что стану так жить?

– Ну-ну, голубушка, крепись. Подумай, ведь как ни плох твой дом, а всё же он у тебя есть. И дети все при тебе и все живы. А вот у нашего государя при всех его богатствах нет больше сына. Где сейчас юноша? Может, где-то с чужими людьми, холодный, голодный, без крыши над головой. А может, ему не нужны уже ни пища, ни еда, ни кров, – сказала тётя Эсте. – Выпей вот этот отвар, и тебе полегчает.

Выпив принесённое лекарство, мать через некоторое время перестала надсадно кашлять и прилегла на лавку, а мы её укрыли, чем нашли. Дождавшись, когда она уснет, тётя Эсте собралась уходить.

– Ну, а ты чего пригорюнился? – спросила она у меня. – Не грусти, будет и на нашей улице праздник.

Тётя Эсте погладила меня по голове и ушла. В последний раз я видел её живой.

2

На следующий день, под вечер, я сидел на пороге и лушил бобы, когда увидел бегущую по дороге со стороны соседней деревни известную сплетницу старуху Стефен.

– Ой, убили! Ой, убили! – истошно кричала она.

Изо всех домов стали выскакивать люди, чтобы узнать, что случилось. Я тоже бросил свои бобы и побежал за всеми. Старуху Стефен смогли остановить только на середине деревни. После многочисленных всхлипов и вздохов женщина рассказала, как, возвращаясь из соседней деревни, где она была в гостях у такой же сплетницы, своей лучшей подруги, нашла на дороге мёртвую знахарку Эсте.

Народ заволновался и поспешил к месту происшествия. Тётя Эсте лежала посередине дороги, раскинув руки. В груди её чернели глубокие раны, а на белом лице застыл невыразимый ужас. Как всегда, люди стали строить разные версии. Сошлись на том, что это дело рук какого – нибудь наёмного солдата, оставшегося без работы и забредшего в поисках лёгкой добычи для грабежа в наши места. Видно, дела у него и в самом деле были плохи, если он позарился на такую бедную женщину как Эсте.

Похоронили её в тот же день в ящике из дранки, отпев

в церкви на собранные миром деньги. Похоронили тихо и быстро, потому что ничего у неё не было, и ничего после неё не осталось. Дочку её, Иву, мать взяла к нам в дом.

3

Зима тогда ещё была на подступах. Снега выпало мало, а холода стояли жгучие. Требовалось всё время топить печь. Обязанность добывать хворост была возложена на меня как на старшего. Раз, заигравшись на улице, я совсем позабыл об этом. Заметив, что хвороста в доме совсем немного, мать рассердилась и выгнала меня из дому, велев без топлива назад не возвращаться. Делать было нечего, взял я верёвку и поплёлся в лес. Уже наступил поздний вечер. В небе загорелись яркие звёзды, предвещая ещё больший холод, а путь мне предстоял не близкий. Сначала нужно было пройти через заболоченный лужок, где я изрядно промочил ноги, а потом сделать приличный круг в обход кладбища, и только тогда выйдешь к лесу. Я дрожал от холода и страха перед всякой нечистью, но ещё больше я боялся гнева доведённой до отчаяния матери.

Кое – как добравшись до леса, я увидел, что с краю нет ни одной приличной палки: все днём собрали жители нашей деревни. Пришлось заходить вглубь. За сбором хвороста я не заметил, как очутился у самой избушки Лувисы.

Лувиса была женщиной средних лет, черноволосой и довольно привлекательной. Иногда её можно было встретить в

лесу, собирающей грибы, или на болоте, копающей корешки. Лувиса жила одна и лишь изредка приходила в деревню купить свечей и соли. Каждое её появление вызывало переполох. Женщины хватали с улицы детей и укрывались в домах. Мужчины шарахались. Кабатчица крестилась, но товар исправно выдавала. Одну мелкую монетку из полученных денег она бросала в церковную кружку для подаяний, после чего со спокойной совестью припрятывала оставшуюся сумму в кубышку. Вся округа боялась Лувису, потому что она была ведьмой. Доказательством тому служила её цветущая зрелая красота. Деревенские старики утверждали, что сейчас, в дни их старости, она выглядит так же, как в дни их далёкой юности.

Избушку освещал лунный свет. Отодвинув серебряную от инея ветку, которая мешала как следует её разглядеть, я застыл в изумлении. Возле самой избушки ходил высокий юноша одного со мной возраста. Его светлые густые волосы падали на богато расшитый серебром голубой плащ, подбитый белым мехом. Я очень удивился. Как здесь очутился и что делает в лесу совсем один такой богатый юноша? Он меня тоже заметил и подошёл поближе.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он, улыбнувшись.

– Да вот, хворост собираю. А ты?

– Мой отец отправил меня сюда лечиться.

Я всё понял. Я слышал о богатых людях, которые отправляли своих детей лечиться к ведьмам, когда обычные врачи от них отказывались. Если ведьме хорошо заплатить, она вылечит не хуже учёного лекаря.

– Как тебя зовут? – снова спросил он.

– Норкас. А тебя?

– Хилеас.

Мне почему-то сразу пришло в голову, что пропавшего сына короля тоже звали Хилеас.

– Давай, я тебе помогу, – предложил он так просто, что я улыбнулся в ответ и сказал:

– Ну, помоги.

За работой мы разговорились. Правда, больше говорил я, а он больше спрашивал. Когда собрали большую вязанку, Хилеас спросил:

– Ты замёрз?

– Есть немного.

– Пойдём погреемся.

– Куда? В дом Лувисы? Нипочём не пойду!

– Не бойся. Её нет дома. Кроме того, мы пойдём в ту часть дома, где живу я, и даже войдём туда через мою дверь.

Любопытство и обида на мать (пусть поволнуется, по-

ищет) толкнули меня на то, чтобы я пошёл за Хилеасом. Мы вошли в дом. Я огляделся. Кругом висели пахнущие пылью травяные веники, связанные за хвосты мыши и ящерицы. На тёмных полках стояли плотно закрытые посудины. Хилеас подвинул ногой скамейку к печи. Мы сели. В устье громко гудело высокое и яркое пламя.

– Ты ещё придёшь сюда? – спросил мой новый знакомец.

– Не знаю. Боязно, – ответил я и рассказал ему о страшном конце тёти Эсте.

Он помрачнел и отвел глаза.

– Есть хочешь?

– Очень. Я голоден, как волк.

Хилеас встал, принес хлеба и сала. Мы с удовольствием поели и снова разговорились. Он опять оживился.

Тёмная слюда, вставленная в окно, заголубела. Светало.

– Тебе нужно идти. Скоро вернётся ведьма, – сказал Хилеас. – Я тебя провожу.

Мы вышли и молча пошли сквозь лес, окутанный серыми сумерками. Он остановился на краю, под сенью деревьев.

– Дальше не пойду, а ты не забудь, приходи, как стемнеет. Пожалуйста. И не говори обо мне никому.

– Хорошо.

Я взвалил на плечи вязанку и пошёл.

Дома меня, разумеется, обругали и выдрали. И даже не за то, что я отсутствовал всю ночь, а за то, что я соврал, будто потерялся в лесу. Мать знала, что в лесу я не терялся сzyma-

ла, и мог ходить как зверь, не задумываясь о дороге и всегда выходя на нужное место. О своём новом знакомце я никому и словом не обмолвился. И даже не потому, что он меня об этом просил. Мы были очень бедны, а бедных никто ни во что не ставит, поэтому даже в деревенской компании я не занимал значительного места. Я умолчал о Хилеасе, потому что боялся, как бы кто из мальчишек побогаче не отбил его у меня.

4

В то же утро, когда я вернулся чуть свет, вторая сплетница после старухи Стефен, тётка Мариоль, отправилась в лес за хворостом. Вышла она утром, но даже к вечеру не вернулась. Тревогу поднял её супруг – пьяница, очнувшийся к обеду и до ужина не обнаруживший никакой приготовленной пищи во всём доме. Вспомнив страшную участь тёти Эсте, вся деревня отправилась на её поиски.

Мариоль нашли около дороги. Она была покрыта страшными ранами, но жива. Её перенесли домой, и уложили в постель. Ночью женщина пришла в себя.

Она рассказала, что, отправившись утром за хворостом, по дороге передумала и решила отправиться в соседнюю деревню, чтобы обсудить с соседними кумушками все накопившиеся в её душе новости, особенно касавшиеся гибели тёти Эсте. Они так жгли её язык, что женщина не побоялась

идти одна. Дорога туда была спокойной, а вот обратно...

На обратном пути Мариоль услышала за спиной хлопанье крыльев огромной птицы. Она обернулась и увидела висящего в воздухе, поджав ноги, старика. На нём абсолютно ничего не было. Он был лыс и так худ, что можно было пересчитать все его кости. Синюю кожу покрывал белый пух. От кистей рук с загнутыми грязными ногтями тянулись крылья как у летучей мыши. Чудовище взвыло, и Мариоль застыла на месте, пригвождённая его мёртвенным взглядом. Последнее, что она помнила, была страшная боль, когда оно стало рвать её зубами и когтями.

Добравшись до этого места, больная стала бредить и кричать:

– Дьявол! Дьявол! Я видела самого дьявола! Грехи, грехи мои тяжкие! Помилуй меня, господи! Я вижу адское плямя!

Через день Мариоль умерла. Вся округа забурилась, как котёл с горячей водой. Через три дня благодаря окрестным кумушкам утвердилось совершенно точное мнение, что бедную Мариоль разорвал дьявол, с которым она заключила сделку и не выполнила условий. Старуха Стефен припомнила, как часто видела, будто в трубу к тётке Мариоль нырял столб белого дыма, похожий на змея, а потом из дома слышались смех и разговоры мужчины и женщины, только голос мужчины не был голосом её мужа. Местные пьяницы сошлись на том, что хлебную водку они покупали у Мариоль чаще, чем у других торговков, из-под полы продающих спирт-

ное: не иначе, как она их привороживала. Всеобщие предположения подтвердил муж погибшей, заявив, что жена всегда необыкновенным образом для простой женщины узнавала, когда он тайком отправлялся в кабак, и по возвращении всегда ждала его с тяжёлой сковородкой.

В эти дни переполоха и всеобщего страха я не видел Хи-леаса.

5

После этого происшествия в деревне стали происходить страшные дела. То один, то другой человек погибали, разорванные неизвестно кем. Их находили в лесу, на дороге или на болоте. Пожилые женщины считали, что эта напасть послана нашему селению за грехи и требовали, чтобы жители обошли его крёстным ходом. Но все их призывы были тщетны, потому что люди боялись выходить из дому.

Вскоре некоторые стали рассказывать, будто видели в окрестностях некое чудовище. По словам одних, это была огромная летучая мышь, нечто вроде описанного тёткой Мариоль, по словам других – неопознанная лесная нечисть ростом с дерево, по словам третьих – лысый волк – оборотень. Но кто бы это ни был, скоро все уяснили одно: с наступлением сумерек и по ночам чудовище никого не трогало, словно сквозь землю проваливалось. Дошло до того, что деревня стала перестраиваться на ночной образ жизни. Нашлись, правда, два смельчака, которые попытались высле-

дить и убить это существо, но оба они погибли.

Я был мальчишкой и почти ничего не боялся, тем более, что чудовище лишь в первый месяц своего появления показывалось часто, а затем стало появляться с перерывами. Иногда о нём не слыхали неделю, а то и две – три. Больная мать не могла заставить меня подчиняться, поэтому чуть смеркалось, я бежал к дому ведьмы, чтобы встретиться с Хилеасом. Лувисы никогда в избушке не было: она улетала по своим ведьмовским делам.

С каждым днём Хилеас, не смотря на радость, с которой он встречал меня, становился всё подавленней и печальней. Он бледнел. Тёмные тени навечно поселились под его зелёными глазами, прозрачными и глубокими, как вода в озере. Он часто сидел рядом со мной, крепко держа меня за руку, и так смотрел, словно что-то хотел сказать и не мог. Я спрашивал Хилеаса, что с ним происходит, но у него делалось такое несчастное лицо, что я уступал и переходил на более весёлые темы, стараясь его рассмешить. Через какое-то время он начинал улыбаться, чуть не сквозь слёзы, стремясь показать, что мои усилия не пропали впустую. В эти мгновения он был мне дороже всего на свете.

6

Однажды мы с Хилеасом, как обычно, сидели на скамейке у печи. Я рассказывал об очередных жертвах чудовища и хвастался тем, что мне удалось увидеть его издалека, когда я собирал днём в лесу хворост.

– Хотелось бы мне узнать, где живёт и откуда взялось это существо, – заявил я в конце рассказа.

– Чудовище живёт здесь, в доме Лувисы. Это я, – сказал вдруг Хилеас очень тихо, но твёрдо.

– Что ты? – не понял я.

– Я днём превращаюсь в чудовище и гублю людей. Поэтому я и просил приходить тебя затемно, чтобы ты ни о чём не догадался.

Я так и подскочил от неожиданности.

– Сядь! – так повелительно приказал он, что ноги у меня сами собой подкосились, и я мешком плюхнулся на скамейку.

– Я давно хотел тебе сказать, да всё не решался, – снова тихо, но твёрдо начал он. – Понимаешь, я – сын государя этой страны.

– Принц Хилеас? Который пропал?

– Да. Ты ведь знаешь, что Лувису несколько раз вызывали во дворец. Она – знаменитая ведьма. На этот раз отец якобы хотел узнать у неё своё будущее, ибо повелитель соседнего государства готовился к войне с нами, которая была нам явно не по силам. На деле же он желал воздействовать на своего врага с помощью тёмных сил, но так, чтобы всё выглядело естественно. Лувиса согласилась ему помочь, но за свои услуги потребовала, чтобы её несколько раз открыто пригласили к королевскому столу, а впоследствии даровали дворянский титул и усадьбу. Положение было отчаянное, и отец

скрепя сердце согласился. Придворные, видя, что ведьма в фаворе, сначала стали оказывать ей знаки внимания, а затем начали пользоваться её услугами: кто желал войти в милость к вышестоящему лицу, кто приворожить девицу, кто разрушить чужое везение.

Между тем, в стране наших врагов начались голод и чума, расплодились волки, а её повелитель неожиданно разболелся и умер. Лувиса пришла за своей наградой, но к тому времени мысли отца изменились. Придворные завистники нашептали ему, что чума и голод – вещи житейские, происходящие раз в несколько лет в разных странах, а смерть вражеского повелителя – результат неумеренного пьянства, а не колдовства. Словом, они уверили его, что никаких заслуг со стороны ведьмы в этом деле нет. Отец и сам раскаивался в том, что наобещал ей слишком много, а потому не только не дал ей ничего, но и приказал с позором изгнать её из дворца. Многие из придворных, особенно те, что должны были Лувисе деньги за приворотные напитки и любовные зелья, также ничего ей не уплатили, да ещё и поглумились напоследок, спустив её с лестницы. Ведьму выставили из города, проведя по его улицам в сопровождении стражи, а толпа швыряла в неё палки и огрызки, да ещё оскорбляла словами. Она же вела себя как обычная женщина, спотыкалась, закрывала лицо и плакала, ничем не выдав, что задумала страшную месть.

Прошло некоторое время, и о ней стали забывать. Однажды я проснулся у себя в спальне и увидел, что она что-то

шепчет, склонившись у моего изголовья. Я не мог ни пошевелиться, ни закричать, ни закрыть глаза, только в ужасе слушал её слова. Она наложила проклятие, из-за которого я, единственный сын государя, днём превращаюсь в чудовище, а ночью вновь становлюсь человеком. Когда я становлюсь чудовищем, ведьма отнимает у меня разум и волю. Я делаю всё, что она захочет. Когда я принимаю облик человека, я вспоминаю всё, что натворил днём. Муки мои ужасны!

– Но как ты очутился в доме Лувисы? – спросил я, сразу поверив его словам, его глазам и его голосу.

– Помнишь, во дворце погибли люди? Через меня ведьма отомстила всем, кто её чем-либо обидел. Испугавшись того, что я совершил, я умолил

Лувису взять меня к себе, надеясь, что она живет в каком-нибудь пустынном и глухом месте. Но ведьма и здесь решила использовать меня в своих целях, пользуясь тем, что я не в силах противиться её колдовству. Я хотел убить себя, но Лувиса сказала, что так я окончательно погублю свою душу и буду уже в полном её подчинении.

– Неужели совсем ничего нельзя сделать?

– Есть один способ. Со мной нужно сразиться днём, когда я буду в образе чудовища. Я скажу тебе, как убить меня. Если ты сделаешь всё правильно, я умру, а Лувиса навсегда потеряет власть надо мной. Ты ведь согласишься избавить меня от душевных мук, а многих людей от лютой гибели? Норкас, я не хочу губить! Это единственный верный способ! Ты согласен?

Жар кинулся мне в голову. Мой единственный друг – чудовище! Неужели всё, что было между нами, было затеяно им только затем, чтобы, в конце концов, я убил его? Но я этого не хочу!

– Хилеас, я не могу и не хочу убивать! – закричал я, вскочил и бросился к двери.

Хилеас крепко вцепился в мою одежду, продолжая умолять меня. Я, кое – как добравшись до двери, отодвинул за-

сов и, оторвав от себя руки юноши, ползшего за мной на коленях, бросился бежать.

Я бежал и бежал, пока не споткнулся о корень и не упал. Поднявшись, я обнял ствол берёзы и заплакал. Перед глазами у меня, как живой, был Хилеас, лежавший на пороге. Мне было невыносимо больно.

7

Я перестал ходить к Хилеасу. Как раз в это время моей матери стало хуже, и я целыми днями находился дома, выполняя работу по хозяйству. Мать навещали соседки из тех, что руками разведут чужие беды, и давали ей советы, как лучше прокормить семью. Все их мысли вращались вокруг того, куда меня выгоднее устроить – работником к кому-либо из богатых односельчан за харчи или общественным пастухом ради еды, которую ему собирает каждую неделю одна из деревенских семей по очереди. Мне не нравились оба предположения, но если бы пришлось выбирать, то я больше склонялся ко второму, так как пастух более свободен в своих делах, чем работник.

Все эти незваные гости и тяжёлая работа так меня изматывали, что иногда я уходил в сарай, запирался изнутри и подолгу сидел, опершись спиной о столб и закрыв глаза. Бывало, я поднимался, вынимал из окошка деревянную заслонку и смотрел на лес, где мне было так хорошо с Хилеасом до его признания. За то время, что я его не видел, чудовище не

давало о себе знать. Я тосковал о нём, как тоскуют об утраченном счастье.

Однажды в деревне появилась бродячая собака, довольно жалкая и пугливая. Она бродила между домами, вынюхивая пищу среди кухонных отходов. Часто собака останавливалась возле людей и долго, неотрывно глядела на них, видимо, надеясь на подачку. Некоторые бросали ей что-нибудь, но большинство прогоняли. Когда собака добралась до нашего дома, я вынес ей корку хлеба, смоченную в каше. Она долго нюхала, но больше мои руки, чем корку, и я решил, что она подслеповата. Корка ей не понравилась, и мне пришлось отдать её курам. Собака же убежала.

В тот же вечер я лёг спать и заснул сразу, словно провалился в чёрную яму. Мне приснился я сам, идущий через лес к домику ведьмы. Я видел себя как бы со стороны, но мысли у меня, идущего по лесу, были общими со мной, наблюдающем сбоку. В лесу были сумерки, но я шёл быстро, словно плыл над травой. Окошки в избушке Лувисы светились алым, столь сильными были отсветы из устья пылающей печи. Я заглянул внутрь. Ведьма была дома и разговаривала с Хилеасом. Она неистовствовала. Казалось, она вот-вот вцепится ему в лицо. Он же стоял спиной к печи, внешне спокойный и печальный, иногда вскидывая на неё глаза и отвечая короткими фразами.

Я прижался к ставне, чтобы услышать, о чем шёл разговор. Несколько раз Лувиса приближалась к окну очень близ-

ко, так что я едва успевал отпрянуть, но один раз не успел. Ведьма же продолжала кричать и грозить, словно ничего не произошло. Я понял, что она меня не видит.

– Неблагодарное человечье отродье! – визжала она. – Я упрятала твой позор и твоё уродство в этом глухом месте! По всей стране оплакивают твою участь, вместо того, чтобы проклинать тебя и плевать на твоё имя! И что я получила? Ты связался с глупым деревенским щенком и разболтал ему всё!

– Ты укрыла меня ради своих целей, а не ради меня самого, – ответил оборотень.

– Ты сам виноват, что всё изменилось! Если бы ты не был чересчур любопытен, ты бы по-прежнему ничего не знал и не помнил из того, что творишь днём!

– Ты думаешь, можно быть спокойным, просыпаясь и находя кровь под ногтями и оброненные обрывки одежды? – возразил Хилеас.

– Многие люди спят спокойно, написав донос на соседа, обокрав его или сделав что-либо ради его гибели! Разве твой отец не таков? Вспомни! По его милости я наслала мор и голод на целую страну, и болезнь на её повелителя! – расхохоталась ведьма.

– Ты знаешь, что я был против, но я не смог его переубедить.

– Ты и против своей второй чудовищной природы ничего не можешь сделать, так что же тебе не спалось спокойно?

– За это я уже расплачиваюсь.

– Да, ты наказан тем, что ночью вспоминаешь всё сотворённое днём. Если бы ты смирился и попросил хорошенько, всё стало бы по-прежнему.

– Я снова ничего бы не помнил?

– Разве этого мало? Так нет же, ты у нас, такой правильный и честный, связался с деревенским дурачком и разболтал ему всё! Чего ты добивался? Чтобы сюда прибежало мужичьё с рогатинами, убило тебя и сожгло дом? Только твой дружок не оправдал твоих надежд, сидит себе дома спокойно со своими курами! Ну, что смотришь? Падай, падай же на колени, проси, чтобы я тебя простила! – явно издеваясь, говорила Лувиса.

– Никого здесь не было. Кто решится прийти сюда? Ты сама не знаешь, что говоришь, – сказал Хилеас, и в глазах его отразилось внутреннее смятение.

– А ты, двуличная зверюга! Все вы, оборотни, имеете два лица, а у тебя их стало все три! Раньше ты не умел так нагло врать! Не спорю, ты перенял у меня кое-что и научился замечать следы, но ты не смог вытравить до конца его запах! Я была в деревне и знаю, кто он. Хочешь, скажу его имя?

– Что тебе до него? Он сюда не вернётся.

– Он всё знает. Да и ты не идёшь мне навстречу. Проси, и всё будет как прежде!

– Забвение ночью и продолжение всех этих ужасов днём?

– Ты ещё недостаточно страдаешь? Проси... Я не откажу!

– Нет.

– Вот, значит, как ты решил. Ну да я тебя обломаю! Теперь ты будешь знать заранее, что сотворишь на следующий день! Сначала ты отомстишь за мои сегодняшние обиды: расправишься с одной торговкой, что оскорбила меня на базаре, а также с грязным возчиком, что окатил меня грязью из лужи. А затем наступит очередь и твоего наказания: ты убьёшь человека, близкого твоему другу, и он тебя возненавидит.

– Он давно меня оставил. Он молчит. Что тебе до него? – произнёс оборотень так, что непонятно было, пытается он попросить или просто отмечает, как обстоят дела.

– И это будет не всё, – расхохоталась ведьма ему в лицо, – потому что затем ты убьёшь его самого! Наша тайна будет похоронена, а сам ты, может быть, станешь сговорчивее. Ты ведь захочешь забыть убийство друга?

Не знаю, как это получилось, но там, во сне, я непонятным образом очутился уже не за окном, а в избушке, но они по-прежнему меня не видели.

– Что смотришь? – изгалялась Лувиса над Хилеасом. – Если бы ты мог, ты бы испепелил меня взглядом! Но ты не можешь. Выбор у тебя не велик. Ты можешь убить себя сам. Тогда твоя душа будет навечно заключена в чудовищный облик, и всё человеческое умрёт в ней. Ты будешь полностью в моей власти. Жаль, мы тогда не сможем разговаривать, как сейчас. А ещё ты можешь попросить забвения...

– А мой друг?

– Разве ты не сам приговорил его, рассказав ему нашу тайну? Уступи я тебе, ты снова задуришь и начнёшь искать встреч с людьми.

– Стало быть, как не поверни, а днём всё будет как всегда...

– Верно, такова твоя теперешняя природа. Но ты можешь избавиться себя...

– Ничего мне от тебя не нужно, – отвернулся от Лувисы оборотень.

– Видно, слова до тебя не доходят! Хорошо же, тогда я покажу тебе всё, что ты совершишь на днях! – пригрозила ведьма.

Она взмахнула рукой, и Хилеас повернулся к ней лицом. Они встретились глазами, и я скорее почувствовал, чем увидел, что он не может сопротивляться. Я не видел того, что показывала ему Лувиса, как они оба не видели меня, но чувствовал, как ходят между ними невидимые волны страшной силы. Ни один мускул не двигался на лице оборотня, лишь глаза выражали нечеловеческое страдание. И тогда, поддавшись безотчётному чувству, я приблизился к нему сзади, обнял за плечи, скрестив свои руки у него на груди, а головой прижался к его щеке. Волны, исходившие от ведьмы, трепали меня, словно лист под порывами осеннего ветра. Если бы ворота, в которые бьет таран, могли чувствовать, они ощущали бы то же, что и я под напором её силы, стремившейся разрушить мою защиту. С каждым ударом мне становилось

всё тяжелее. Один из них был так силён, что я закричал от боли ...

... и проснулся. На вопрос матери, что мне снилось, я, чтобы не пугать её и детей, сказал:

– Мне привиделось, будто управляющий из усадьбы приехал за оброком осенью и приказал бить меня батогами за недоимки.

– Помолись перед сном получше, чтобы сон не был в руку, – велела мать, снова укладываясь, ибо недоимки у нас намечались солидные и выдуманный сон имел все основания исполниться в точности.

8

Сон произвёл на меня сильное впечатление, но я никому не рассказал о нём, так как думал, что он вызван моими мыслями о Хилеасе. Я не думал, что он может быть правдив, ведь не могло же в самом деле так случиться, будто могучая ведьма не заметила моего присутствия у неё в доме. Вскоре действительно погибли базарная торговка и возчик, но они были из далёких от нас мест, и сведения об этих случаях дошли до нас не скоро. Да если бы я даже узнал о них, то и тогда, быть может, я не поверил бы сну и не рассказал бы никому об оборотне. Образ юноши из леса никак не вязался в моей голове с кровожадным чудовищем. Боюсь, я бы долго не смог переступить через себя, ведь он был такой при-

ветливый, такой чуткий и внимательный, такой искренний в своём сочувствии моим горестям. И лицо у него было такое же хорошее, как у святого Георгия с фрески в городском соборе святого Лазаря.

Всё время беда обходила нас стороной. От лап чудовища гибли чужие люди. Но вот беда пришла и в наш дом: погибла маленькая Ива. Мы нашли её растерзанное тело на болоте. Моему горю не было границ: ведь я всё знал о том, кто это сделал.

Едва дождавшись часа, когда Хилеас превращается в человека, я помчался на место нашей встречи. Он сидел на земле, завернувшись в плащ и уткнувшись лицом в колени. Я схватил его за плечи и, встряхнув несколько раз, закричал:

– Как ты мог! Иву! Маленькую!

Его голова моталась, но он не сопротивлялся. Когда я замолчал, оборотень отвёл мои руки и сказал:

– Я же говорил тебе, что когда я в образе чудовища, мои разум и чувства спят, а воля находится в подчинении у ведьмы. Ты не захотел мне помочь. За это ты поплатишься. Ведьма узнала, что за речи я вёл с тобой. Завтра я должен по её приказу погубить тебя.

– Стало быть, ты знаешь всё заранее? – вскричал я и с тайным содроганием подумал о своём сне. – Почему ты не предупредил меня?

– Раньше я никогда не знал, что буду исполнять. Но после того, как до Лувисы дошло, что я просил тебя о смерти, она

стала мучить меня, рассказывая о том, что я стану делать на следующий день. Ты не приходил несколько дней, и я не знал, захочешь ли ты меня ещё видеть.

Я сел с ним рядом на корень дерева. Мы долго молчали. Плащ соскользнул с плеч Хилеаса, но он даже этого не заметил. Вдруг он всхлипнул, и острые лопатки под тонкой тканью куртки вздрогнули. Я покосился на него, и мне стало не по себе от этой незащитной спины.

– Норкас, сразись со мной! Я не могу больше! Не могу!

Я обнял его за плечи, а он спрятал своё лицо у меня на груди. Кругом стояла тишина. Весь мир словно затих перед нашим горем. Даже густой весенний дух был безрадостным, и деревья застыли вокруг, словно молчаливые великаны. Но как бы ни был печален мир, он был прекрасен, поэтому, оглядевшись вокруг, я вдруг остро ощутил разделявшую нас пропасть. И тогда я понял, что **ОБОРОТЕНЬ** – глубоко несчастный **ЧЕЛОВЕК**.

Казалось, прошла целая вечность, а мы всё сидели и молчали. Хилеас не поднимал своей низко опущенной головы. И я ему всё простил. Даже его возможную вину в том, что, быть может, он подружился со мной только ради тех слов, которых он ждал от меня. Но я о том так никогда его и не спросил, а только взял обеими руками его лицо, поглядел ему в глаза и произнёс:

– Хорошо, Хилеас, я сражусь с тобой.

Его лицо осветилось изнутри, и оно засияло всеми красками юности, словно заря на утреннем небе. Оно так расцвело, словно я сложил весь мир у его ног.

Для начала мы пошли на болото. Там Хилеас хотел достать оружие, которым я должен буду убить чудовище. Мы шли быстро, потому что уже смеркалось, а до утра дел было много. На болоте оборотень держался очень уверенно, хотя путь наш освещала лишь неверная луна. Наконец он остановился и, перегнувшись через трухлявую поваленную сосну, достал старый длинный меч и любовно его погладил.

– Откуда здесь меч? – спросил я.

– Это теперь уже не так и важно, – ответил Хилеас. – Идём дальше, нам нужно спешить.

Он снова быстро пошёл по болоту. Грязь с хлопаньем разлеталась из-под его ног. Тихий ветерок шуршал прошлогодней травой кочек. Я едва поспевал за ним, стараясь идти след в след.

Невдалеке я расслышал тихое клокотание. По мере приближения оно усиливалось, и вскоре мы подошли к бурлящему синему колодецу. Со дна его поднималось множество пузырьков, лопавшихся на поверхности. От посторонних глаз колодец со всех сторон скрывала высокая трава.

– Возьми меч и опусти его в колодец, – сказал Хилеас. – Потом держи его там, пока он не станет синим, и только тогда вынимай.

– Зачем это нужно? – спросил я.

– Это нужно, чтобы меч стал смертельным оружием для оборотня.

Я взял меч и опустил его в колодец. Синяя вода бешено забурлила вокруг. Через какое-то время она внезапно успокоилась, и я увидел, что меч стал синим.

Я вынул его из воды и положил на траву обсохнуть. Хилеас смотрел на него, как замороженный.

– Теперь я должен сказать тебе о главном, – сказал он, с трудом отводя глаза от оружия и улыбаясь. – Когда ты бу-

десь биться с чудовищем, не смотри ему в глаза. Все, кто пытался его убить, совершили эту ошибку. Взгляд чудовища отнимает способность двигаться. Так что не смотри в его глаза.

Над болотом висела круглая луна. Её то и дело затягивали быстро бегущие тучи. Воспользовавшись минутой, когда она светила вовсю, я внимательно посмотрел на друга, ведь я его видел в последний раз. Он же словно и не осознавал этого. Не знаю даже, думал ли он в эти минуты обо мне. На лице Хилеаса были такие покой и отрешённость, что я упрятал подальше свои муки и горе.

Он вывел меня из болота, и мы расстались. Уходя, я несколько раз обернулся. Хилеас стоял на кочке со старой рыжей травой. Холодный ветер рвал на нём плащ и трепал волосы.

10

Я решил биться с чудовищем на мостике, что был перекинут через реку возле леса. Я выбрал это место, чтобы хорошо видеть его отражение. Отражённый в воде взгляд не будет мне опасен.

Я опёрся на перила и стал ждать. Покорное приказу, чудовище уже должно рыскать в поисках своей жертвы. Вдруг я услышал хлопанье крыльев большой птицы. Взглянув в воду, я увидел синего старика, который, взмахивая перепончатыми крыльями и распутив когти, приближался ко мне. Выхватив меч из-за пояса, я размахнулся, но рассёк только воздух. Он же бросился на меня и попытался вцепиться в волосы, чтобы силой заставить встретиться с ним взглядом. Я же хорошо помнил наказ друга и смотрел на него только в воду.

Мы долго бились. Оно согнало меня с мостика, и мы стали сражаться на траве. Во все стороны летели клочья моей одежды и пух оборотня. Я успевал лишь думать о том, как лучше извернуться, и это было для меня благом. Почти не помню тот последний удар, после которого чудовище с пронзительным криком упало у моих ног. В тот же момент в том месте леса, где стояла избушка Лувисы, взвился столб чёрного пламени: ведьмино убежище сгорело дотла. Видно, накладывая заклятия на Хилеаса, она использовала такие средства, что даже тёмные силы не выдержали и уничтожили её в тот момент, когда закончилась её власть над душой и телом моего друга.

Упав на траву, чудовище начало быстро меняться. Вот появилось знакомое лицо с острым подбородком, большие, остановившиеся глаза с длинными ресницами...

Я сел рядом и долго смотрел на то, как перемешались

светлые волосы с молодыми листьями гусяного лука, как по белой щеке ползёт муравей. Я почувствовал, как внутри меня разверзается звенящая пустота...

Когда наступил вечер, я завернул Хилеаса в его богатый плащ и похоронил в лесу. После этого я вернулся домой, но жить как прежде не смог. Через пять лет умерла наша мать, а братья и сёстры разбрелись по свету. Один мой брат поехал на острова искать счастья и закончил дни свои разбойником. Другой стал моряком и сгинул в северных морях. Сестра моя Хилин зарабатывала в городе шитьём и умерла, как мать, от чахотки. Лишь младшим повезло. Эвиль вышла замуж за мясника, но воспоминания о былой бедности превратили её в скопидомку. Карой и Рут поступили в монастырь, стали людьми уважаемыми.

Я же скитался по свету, был слугой, наёмником, помощником лекаря, конюхом. В последней войне отличился и ныне назначен кастелланом пограничного замка. Но где бы я ни скитался, сердце моё осталось на неприметной поляне в лесу, где я похоронил своего друга. Несколько раз случалось мне побывать в тех местах, посидеть там на старом берёзовом корне, шепча:

«Друг мой! Друг мой! Вот сижу я и тянусь к тебе всем сердцем. Пусть будет тебе хорошо и спокойно везде, где бы ты ни был. Даст Бог, свидимся там, где у нас будет друг для друга много времени, то-то наговоримся. Это не ты делал зло, это чудовище, что я убил на траве возле мостка через

речку. А ты – мой друг, преступивший через страх смерти».

Дело это давнее, но я помню всё так, как будто это случилось только вчера.

1990 – 1993 – 2007.